

ФИЛИМОНОВА ЕЛИЗАВЕТА ВЛАДИМИРОВНА

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2016

Работа выполнена на кафедре филологии факультета гуманитарного образования
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет».

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Буркова Светлана Игоревна

Официальные оппоненты: **Кибрик Андрей Александрович**, доктор
филологических наук, заведующий Сектором
ареальной лингвистики Института
языкознания РАН

Сичинава Дмитрий Владимирович,
кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник Отдела корпусной
лингвистики и лингвистической поэтики
Института русского языка им.
В.В. Виноградова РАН

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Московский государственный
лингвистический университет»

Защита диссертации состоится «11» _____ мая _____ 2016 г. в _____ часов
на заседании диссертационного совета Д.501.001.24 при ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, ГСП-1,
Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус,
филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова, а также на официальном
сайте филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова» по ссылке:
http://www.philol.msu.ru/~ref/001_24_14.htm

Автореферат разослан « » _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Белов А.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Объектом настоящего исследования является функционально-семантическая категория аспектуальности в русском жестовом языке, **предметом** исследования – разноуровневые средства выражения аспектуальной семантики в русском жестовом языке.

Русский жестовый язык – естественный язык, используемый для коммуникации глухими и слабослышащими на территории Российской Федерации и частично на территории бывших республик Советского Союза. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., число носителей этого языка на территории Российской Федерации составляет около 120.5 тыс. человек, однако по другим оценкам оно в несколько раз больше. Так, по данным А.Л. Воскресенского, в России русским жестовым языком пользуются не менее двух миллионов человек¹. Долгое время этот язык не имел правового статуса и определялся только как «средство межличностного общения». 30 декабря 2012 г. в Федеральный закон «О социальной защите инвалидов» были внесены поправки, согласно которым русский жестовый язык признается «языком общения при наличии нарушений слуха и (или) речи, в том числе в сферах устного использования государственного языка Российской Федерации»².

Русский жестовый язык относится к языкам с визуально-жестовой модальностью, в которых информация передается в трехмерном пространстве – при помощи жестов рук, движений головы и корпуса, мимики – и воспринимается зрительно. Несмотря на различия в каналах передачи и восприятия информации, жестовые языки в своих фундаментальных чертах сходны со звуковыми языками: им свойственны уровневая организация,

¹ Воскресенский А.Л. Непризнанный язык (Язык жестов глухих и компьютерная лингвистика) // Труды Международного семинара «Диалог-2002». Т. 2. Протвино. С. 100–106.

² Федеральный закон о социальной защите инвалидов в редакции от 22.08.2004 № 122-ФЗ; Поправка к Закону от 30.12.2012 № 296-ФЗ.

наличие знаковых и незнаковых единиц, конвенциональность языковых знаков, возможность пополнения словарного состава путем деривации, словосложения и заимствования, наличие основных частей речи, наличие сложных предложений; процессы усвоения жестовых языков сходны с процессами усвоения звуковых языков. К особенностям внутреннего устройства жестовых языков по сравнению со звуковыми языками относятся более широкое использование нелинейных структур, большая иконичность и большее типологическое сходство между собой.

Актуальность исследования определяется, во-первых, выбором в качестве исследуемого языка русского жестового языка, а во-вторых, необходимостью привлечения данных жестовых языков для более глубокого изучения категории аспектуальности в человеческих языках. Жестовые языки, в отличие от звуковых языков, являются объектом лингвистических исследований всего лишь нескольких последних десятилетий, и объем накопленных сведений о внутреннем устройстве и функционировании этих языков пока несравним с количеством данных о звуковых языках. При этом по сравнению со многими другими национальными жестовыми языками русский жестовый язык пока еще остается гораздо менее изученным и слабо задокументированным. Сведения о средствах выражения аспектуальности фрагментарны во всех известных жестовых языках. Между тем категория аспектуальности является одним из важнейших фрагментов языковой системы. Учет материала жестовых языков позволяет существенно дополнить наблюдения над закономерностями выражения этой категории в естественных языках и установить, какое влияние оказывает модальность, используемая языком, на устройство его аспектуальной системы.

Целью диссертационного исследования является описание функционально-семантической категории аспектуальности в русском жестовом языке и выявление специфики способов выражения в нем аспектуальной семантики как в одном из языков с визуально-жестовой модальностью. С учетом слабой изученности категории аспектуальности в жестовых языках в

исследование включаются не только средства выражения собственно аспекта, но и акциональные характеристики предикатов. Это позволяет глубже понять механизмы взаимодействия показателей «внешней» аспектуальности – указания то, как описываемая ситуация разворачивается во времени, с «внутренней» аспектуальностью – концептуализацией типа ситуации на уровне лексической семантики предиката. Достижение поставленной цели требовало решения следующих **задач**:

- собрать материал для исследования;
- выявить круг средств, используемых для выражения аспектуальных значений в русском жестовом языке;
- проанализировать акциональные свойства предикатов и построить акциональную классификацию предикатов, изучить взаимодействие акциональных классов предикатов с аспектуальными показателями;
- описать межкатегориальные связи функционально-семантической категории аспектуальности в русском жестовом языке;
- выявить особенности устройства аспектуальной системы русского жестового языка, обусловленные его визуально-жестовой модальностью.

Материал исследования. Исследование проводилось в основном на материале аннотированного корпуса текстов, записанных от носителей русского жестового языка. В него вошли спонтанные тексты (монологи и диалоги), тексты, записанные на основе стимульных материалов (пересказы мультфильмов, рассказы по картинкам), и материалы, полученные путем анкетирования³. К анализу привлекались также данные словарей русского жестового языка.

³ Корпус текстов был создан в рамках проекта, участником которого являлся и автор данной работы, «Корпусное исследование морфосинтаксиса и лексики русского жестового языка» (грант РФФИ № 12-06-00231а). В ходе выполнения работ по проекту было записано 233 видеотекста от 43-х носителей русского жестового языка; 218 текстов (около 93 тыс. словоупотреблений) снабжены переводом и аннотациями в программной среде ELAN. Онлайн-версия созданного корпуса доступна по адресу: <http://rsl.nstu.ru>.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили работы А.В. Бондарко по теории функционально-семантических категорий, работы К. Смит, Э. Даля, Б. Комри, В. Кляйна, Ю.С. Маслова, В.А. Плунгяна, В.С. Храковского, Е.В. Падучевой, С.Г. Татевосова и др., посвященные аспектуальности и акциональности в звуковых языках, и работы зарубежных и отечественных исследователей жестовых языков У. Стоуки, Д. Брентари, Р. Уилбур, В. Сэндлер, Д. Лилло-Мартин, Г.Л. Зайцевой, А.А. Комаровой, Т. Давиденко, Е.В. Прозоровой, В. Киммельмана, Е.Ю. Шамаро, С.И. Бурковой и др.

Методы исследования. Исследование осуществлялось с позиций функционально-семантического подхода, базирующегося на понятии функционально-семантического поля – системы разноуровневых единиц языка, объединенных общностью функций, связанных с определенной семантической категорией. Функционально-семантический подход при исследовании малоизученного фрагмента русского жестового языка представляется наиболее оптимальным. Он позволяет, с одной стороны, наиболее полно выявить инвентарь средств, участвующих в выражении аспектуальности, а с другой стороны, определить диапазон функций каждого показателя, его морфосинтаксические характеристики, и установить место того или иного показателя в иерархии средств, участвующих в выражении данной семантической категории. В ходе исследования применялись также методы полевой работы с информантами (запись спонтанной речи, лингвистическое анкетирование, интервьюирование), описательные методы (наблюдение, обобщение, интерпретация, классификация), структурный метод, предполагающий изучение компонентов языковой системы и отношений между

Информантами были мужчины и женщины в возрасте от 18-ти до 63-х лет с разной степенью глухоты: глухие, слабослышащие, а также слышащие дети глухих родителей, первым родным языком для них является жестовый язык. Большая часть информантов проживает в Новосибирске; в прошлом некоторые из них длительное время проживали в других регионах Сибири: Томской, Кемеровской, Свердловской областях, Алтайском крае, Республике Алтай, Красноярском крае, Республике Саха (Якутия), Республике Бурятия, Республике Хакасия и северо-восточной части Казахстана. Остальные информанты проживают в Москве.

ними, а также корпусный метод, ориентированный на изучение реального функционирования языка, позволяющий обращаться к массиву текстов, осуществлять быстрый поиск и отбор однотипных явлений, изучать языковые явления в контексте их употребления, исследовать разные с точки зрения структурной сложности и семантики языковые данные, использовать квантитативные методы.

Научная новизна исследования заключается в том, что обобщающие исследования функционально-семантической категории аспектуальности в жестовых языках вообще и в русском жестовом языке в частности отсутствуют. Влияние модальности (визуально-жестовой или аудиально-речевой) на специфику выражения в языке аспектуальных значений ранее практически не изучалось. Данные о разноуровневых средствах выражения в русском жестовом языке ряда аспектуальных значений и особенностях отражения в нем акциональной семантики вводятся в научный оборот впервые.

Научная значимость исследования состоит в том, что полученные сведения о категории аспектуальности в русском жестовом языке позволяют более полно представить систему этого языка, а также могут быть использованы в типологических исследованиях жестовых языков и сопоставительных исследованиях жестовых и звуковых языков. Научная ценность данной работы заключается также в обогащении и расширении представлений о естественных человеческих языках: учет материала языков, использующих визуально-кинетический канал передачи информации, может указать на еще не изученные закономерности устройства языков и глубже изучить некоторые языковые явления. Результаты, полученные в данной работе, могут быть полезны для углубления представлений об аспектуальности как одной из важнейших семантических категорий в человеческих языках.

Практическая значимость полученных результатов. В последние годы русский жестовый язык не только получил признание на государственном уровне, но и вошел в программу высшего и среднего специального

образования⁴. В связи с этим остро ощущается потребность в создании учебников и учебных пособий – в этих целях могут быть использованы и результаты данного диссертационного исследования. Полученные в результате исследования сведения о средствах кодирования аспектуальности в русском жестовом языке могут быть использованы и при создании словарей этого языка для более точной передачи семантики глагольной лексики в переводе ее на русский язык, выбора наиболее точной видовременной формы соответствующего русского глагола.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Русский жестовый язык располагает богатым арсеналом средств, позволяющих дифференцировать тонкие оттенки аспектуальной семантики; при этом в нем имеются средства для выражения как «внешней» аспектуальности – линейных и количественных аспектуальных значений, так и «внутренней» аспектуальности – акциональной семантики предиката.

2. Акциональность в русском жестовом языке находит отражение на разных уровнях языковой системы: на морфосинтаксическом уровне она проявляется в ограничениях на сочетаемость предиката с теми или иными показателями аспектуальности, а также различиях в значениях производных форм, получающихся при сочетании предикатов, обладающих разными акциональными характеристиками, с одним и тем же аспектуальным показателем; на фонологическом уровне она иконически отражается в фонологической структуре жеста.

3. Значения линейной аспектуальности выражаются в русском жестовом языке преимущественно аналитически, при помощи служебных и полуслужебных слов и лексических средств, и обнаруживают много сходств со

⁴ С 2012 г. русский жестовый язык преподается в Московском государственном лингвистическом университете при обучении по специальности «переводчик жестового языка межкультурной коммуникации», а с 2013 г. – в Новосибирском государственном техническом университете (НГТУ) при обучении по специальностям «переводчик английского языка и русского жестового языка» и «обучение английскому и русскому жестовому языку». В Институте социальной реабилитации НГТУ с 2011 г. русский жестовый язык преподается в рамках подготовки по программе среднего специального образования «организация сурдокоммуникации».

способами выражения линейной аспектуальности в звуковых языках; при этом специальные показатели перфектива и имперфектива отсутствуют, перфективная/имперфективная интерпретация высказывания в значительной степени зависит от акционального класса предиката.

4. Значения количественной аспектуальности в русском жестовом языке тонко дифференцируются и выражаются регулярно и стандартно при помощи морфологических и, реже, фоносемантических средств; морфологические средства, представляющие собой различные типы редупликации и модификации жеста, характеризуются высокой степенью иконичности и отчетливой функциональной дистрибуцией.

5. Функционально-семантическая категория аспектуальности в русском жестовом языке обнаруживает тесные связи с функционально-семантическими категориями количественности, локативности, темпоральности, модальности и отрицания: для выражения ряда аспектуальных значений используются средства, служащие также для выражения значений одной из указанных категорий.

6. Специфика устройства аспектуальной системы русского жестового языка как одного из языков с визуально-жестовой модальностью проявляется в таких ее особенностях как отражение акциональной семантики в фонологической структуре предиката, четкое разграничение зон количественной и линейной аспектуальности, проявляющееся в характере преобладающих средств выражения, высокая степень иконичности морфологических показателей; отчетливая функциональная дистрибуция разных структурных типов редупликации.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на региональной конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (Новосибирск, 2014), на первой лингвистической конференции «Русский жестовый язык» (Москва, 2012), на всероссийской научной конференции «Наука. Технологии. Инновации» (Новосибирск, 2012, 2013), на

международной научно-практической конференции «Современные формы организации и эффективные технологии обучения и реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов» (Новосибирск, 2012), на IV международной научно-методической конференции «Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты» (Новосибирск, 2013), на IV международной научно-практической конференции «Социальные коммуникации и эволюция обществ» (Новосибирск, 2013), на XXI международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2014), на II международной конференции «Лингвистические права глухих» (Москва, 2014), на 27-ой международной конференции по лингвистике, антропологии, этнографии и национальному образованию «Дульзоновские Чтения» (Томск, 2014). Результаты работы использовались также при проведении учебных курсов «Русский жестовый язык» и «Методы обучения русскому жестовому языку» на кафедре филологии Новосибирского государственного технического университета (НГТУ) и в Институте социальной реабилитации НГТУ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, семи приложений и списка использованной литературы, включающего 273 названия.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обозначены объект, предмет и цель исследования, ставятся задачи исследования, обосновываются его актуальность, научная новизна, научная и практическая значимость, кратко характеризуются основные различия между звуковыми и жестовыми языками, приводятся социолингвистические сведения о русском жестовом языке, формулируются положения, выносимые на защиту.

В Главе I «Категория аспектуальности в звуковых и жестовых языках» характеризуется современное состояние исследований аспектуальности в звуковых и жестовых языках.

Раздел 1 представляет собой обзор теоретических исследований, посвященных аспектуальности в звуковых языках. Несмотря на большое количество аспектологических исследований, единой точки зрения на внутреннее устройство семантической категории аспектуальности не существует. Одним из принципиальных расхождений существующих теорий аспектуальности является решение вопроса о соотношении акциональности («внутренней» аспектуальности) и собственно аспектуальности («внешней» аспектуальности): выделяются аспектуально-ориентированные теории (Э. Кошмидера, Б. Комри, Э. Даля), акционально-ориентированные теории (О. Есперсена, З. Вендлера, Д. Даути), двухкомпонентные теории (К. Смит, П.М. Бертинетто), фазовые теории аспектуальности, рассматривающие аспектуальные показатели как средства смены акционального класса предиката (Х. Феркойла, Х. де Сворта). Другим спорным вопросом является подход к содержанию «внешней» аспектуальности. Так, по-разному решается вопрос о статусе значений глагольной (предикатной) множественности: И.А. Мельчук, Ю.С. Маслов относят данные значения к категории аспектуальности, тогда как в работах Б. Комри, К. Смит, Э. Даля они практически не рассматриваются. Различается мнение аспектологов и по вопросу об иерархической организации «внешних» аспектуальных значений: Б. Комри, К. Смит, Э. Даль уделяют внимание в основном оппозиции перфектива и имперфектива как наиболее значимых аспектуальных значений, в то время как в работах Э. Косериу, С. Дика, И.А. Мельчука аспектуальность описывается как система противопоставлений по нескольким признакам, ни один из которых не является главенствующим. Разнообразие моделей семантической категории аспектуальности во многом обусловлено ориентацией их авторов на материал конкретных языков.

В Разделе 2 представлен обзор исследований категории аспектуальности в жестовых языках. Предварительно приводятся сведения о фонологии и морфологии и лексике жестовых языков, необходимые для дальнейшего изложения.

Жест в жестовых языках является аналогом слова в звуковых языках. Выделяются три основных типа жестов: мануальные (движения рук), немануальные (движения корпуса, головы, мимика) и комбинированные (жесты, для исполнения которых, помимо движения рук, обязательен немануальный компонент).

Аналогами фонем в жестовых языках выступают различные реализации параметров жеста. Выделяется пять основных параметров: конфигурация (форма кисти руки), локализация (место исполнения жеста), ориентация (положение руки по отношению к корпусу тела говорящего), движение (основные его типы: траекторное – перемещение руки от одной локализации к другой, и внутреннее – изменение конфигурации или ориентации) и немануальные маркеры (движения головы и корпуса, мимика).

Основными морфологическими процессами, действующими в жестовых языках, являются модификация жеста (изменения его параметров, служащие для передачи грамматических и лексико-грамматических значений), редупликация (значимый, продуктивный и мотивированный повтор жеста и/или немануального показателя), инкорпорация (встраивание одного или нескольких параметров жеста в структуру другого жеста) и словосложение. Аффиксация, хотя и встречается в жестовых языках, используется очень ограниченно.

Средства выражения аспектуальной семантики отмечаются в лингвистических работах по разным жестовым языкам. Однако специальных исследований, посвященных аспектуальности в жестовых языках, не так много. Как правило, вопросы выражения аспектуальности лишь затрагиваются в связи с изучением формальных явлений в языке: редупликации, модификаций жеста и др. При этом для разных жестовых языков отмечается широкое использование в них для выражения аспектуальных значений редупликации,

модификаций параметров жеста, прежде всего движения, и жестов, являющихся аналогами служебных слов в звуковых языках.

Подавляющее большинство работ, специально посвященных проблеме аспектуальности, базируется на материале американского жестового языка (ASL), при этом большая часть из них выполнена в рамках структурно-семантического подхода и носит точечный характер. В 1979 г. американскими исследователями Э. Климой и У. Беллуджи была предпринята попытка систематизировать модификации жеста, передающие аспектуальные значения в ASL: авторами были описаны несколько модификаций жестов, используемых для выражения аспектуальной семантики⁵. Результаты этого исследования легли в основу дальнейших попыток очертить круг аспектуальных значений, имеющих в ASL формальное выражение, в работах Р. Уилбур, Т. Рейгана, К. Ратманна и др. Наиболее системным подходом характеризуется диссертация К. Ратманна, в которой категория аспектуальности рассматривается прежде всего как взаимодействие акциональной семантики предикатов и аспектуальных показателей⁶.

Глава II «Акциональность в русском жестовом языке» посвящена исследованию акциональных свойств предикатов в русском жестовом языке.

В **Разделе 1** обсуждаются взгляды на акциональность в работах, посвященных изучению данного явления звуковых языках. В целом можно выделить два подхода к интерпретации и классификации акциональных классов предикатов: подход, изложенный в статье З. Вендлера «Verbs and Times» (1957), и подход, предложенный С.Г. Татевосовым в работах «Акциональность: типология и теория» (2005), «Акциональность в лексике и грамматике» (2010). Исследователи, работающие в рамках «вендлеровского» подхода (Б. Комри, К. Смит и др.), приписывают акциональный класс глагольной форме, тогда как в концепции, предлагаемой С.Г. Татевосовым, акциональный класс

⁵ Klima E.S., Bellugi U. Aspectual modulations on adjectival predicates // Signs of language. Cambridge, 1979. P. 243–271.

⁶ Rathmann C. Event structure in American Sign Language: PhD Dissertation. Austin, 2005.

приписывается глаголу в целом как совокупности всех его форм. В рамках «вендлеровского» подхода на основании акциональных признаков «статичность/динамичность», «наличие/отсутствие срединной стадии ситуации», «предельность/непредельность» выделяются такие классы предикатов как состояние, непредельный процесс, предельный процесс и событие. В работах С.Г. Татевосова состояние, процесс, событие и пр. понимаются как акциональные ярлыки, приписываемые глагольной форме, а акциональный класс предиката определяется по совокупности акциональных ярлыков, приписываемых его формам. Различия в подходах к интерпретации рассматриваемого явления обуславливают различия в способах выявления акциональных классов предикатов: в рамках «вендлеровского» подхода акциональные классы предикатов разграничиваются на основании их сочетаемости с аспектуальными показателями, в рамках подхода С.Г. Татевосова – на основании анализа совокупности акциональных ярлыков, присвоенных его видовременным формам.

Раздел 2 представляет собой обзор существующих работ по акциональности в жестовых языках. Изучение акциональности в языках с визуально-жестовой модальностью ведется в двух направлениях: 1) разграничение акциональных классов предикатов путем анализа их морфосинтаксических свойств; 2) исследование отражения акциональной семантики в структуре жеста.

Исследования, в которых принимались попытки выявить акциональные типы предикатов на основе их морфосинтаксических характеристик, практически все базируются на материале американского жестового языка. В работах К. Ратманна, Э. Малайи и Р. Уилбур показано, что предикаты, принадлежащие к акциональным классам событий, предельных и непредельных процессов, эпизодических состояний и вневременных состояний, различаются возможностью/невозможностью сочетания с показателями, в семантике которых содержится указание на статичность/динамичность ситуации, наличие/отсутствие у ситуации срединной фазы и естественного предела (это

аспектуальные показатели дуратива, комплетива, наречия STILL⁷, ALMOST, глагольный жест STOP, показатели обстоятельства времени, глаголы восприятия).

В ряде работ американской исследовательницы Р. Уилбур⁸ формулируется и доказывается гипотеза визуального отображения акциональной семантики предиката в фонологической структуре жеста (Event Visibility Hypothesis). Так, предельные предикаты в американском жестовом языке содержат в своей структуре либо изменение конфигурации или ориентации, либо контакт с корпусом или вспомогательной рукой в конечной фазе жеста, либо быстрое «утихание» жеста до полной остановки. Впоследствии гипотеза о том, что акциональный класс предиката имеет определенную корреляцию с параметрами жеста, получила подтверждение на материале австрийского и хорватского⁹ жестовых языков, при этом было показано, что один и тот же тип ситуации в разных жестовых языках может отображаться по-разному.

В Разделе 3 представлены результаты исследования средств выражения акциональности в русском жестовом языке. В русском жестовом языке акциональная семантика предикатов тоже проявляется на фонологическом и морфосинтаксическом уровнях.

Анализ взаимодействия предикатов с морфосинтаксическим контекстом показывает, что жесты, принадлежащие к разным акциональным классам, различаются: 1) производным значением при сочетании с одним и тем же аспектуальным показателем; 2) возможностью/невозможностью сочетания с

⁷ Жесты обозначаются малыми прописными буквами. Обозначения жестов при помощи эквивалентов звукового языка являются достаточно условными: объем значения жеста и соответствующего слова, как правило, не полностью тождественны.

⁸ См., например, Wilbur R. Representation of telicity in ASL. Chicago: Chicago Linguistic Society, 2003. P. 354–368; Wilbur R. The semantics-phonology interface // Brentari D. (ed.) Sign languages. New York, 2010. P. 355–380.

⁹ См., например, Schalber K. Phonological Visibility of Event Structure in Austrian Sign Language: A Comparison of ASL and ÖGS. Master's thesis. – Purdue University, 2004; Dukic L., Milkovic M., Wilbur R. Evidence of telicity marking by nonmanuals in HZJ. Poster // Theoretical issues in sign language research (10). – 2010; Malaia E., Wilbur R. Telicity expression in the visual modality // Telicity, Change, and State: A Cross-Categorical View of Event Structure. – Oxford Studies in Theoretical Linguistics, 2012. – № 39. – P. 122–136.

определенными аспектуальными показателями. Так, предикаты, относящиеся к разным акциональным классам, приобретают разные аспектуальные значения при редупликации (функциями которой, среди прочих, являются выражение ряда значений количественной и линейной аспектуальности) и сочетании с аналитическим показателем перфекта/комплетива жестом УЖЕ (см. главу III). Кроме того, они имеют разные ограничения на возможность редупликации и сочетаемость с фазовыми глаголами, показателем перфекта/комплетива жестом УЖЕ и аналитическим показателем партитивно-результативного значения жестом RES_{PART} (см. главу III). На основании их морфосинтаксических характеристик в русском жестовом языке можно выделить шесть акциональных классов: предикаты с семантикой событий, сильных предельных процессов (процессов, всегда достигающих своего предела), слабых предельных процессов (процессов, которые, в зависимости от контекста, могут интерпретироваться и как непредельные), непредельных процессов, эпизодических состояний и вневременных состояний.

Имеется также корреляция между акциональным классом предиката и наличием/отсутствием в структуре жеста определенных компонентов: внутреннего/траекторного движения; внутреннего повтора; контакта рук между собой; контакта с корпусом. Внутренний повтор¹⁰ регулярно иконически соотносится с дискретностью описываемой жестом ситуации, ее внутренней членимостью на отдельные фрагменты/кванты. Он всегда присутствует в жестах с семантикой дискретных процессов (например, ДЕЛАТЬ, ИГРАТЬ, ШАГАТЬ), а также в жестах, обозначающих эмоциональные и физические состояния (РАДОВАТЬСЯ, БЕСПОКОИТЬСЯ, ЗЛИТЬСЯ, БОЛЕТЬ и др.). Последние по своим морфосинтаксическим свойствам относятся к классу состояний, однако на основании наличия в них внутреннего повтора можно предположить, что обозначаемые данными жестами ситуации концептуализируются в

¹⁰ «Корневого» повтора, входящего в словарную форму жеста. Например, в жесте ЛАЯТЬ пальцы раскрытой ладони несколько раз соединяются в конфигурацию дактильного – Ж.

рассматриваемом языке как динамические и дискретные. Эти жесты можно рассматривать как переходный акциональный класс состояний-процессов. В остальных жестах с семантикой состояний внутренний повтор отсутствует, не встречается он и в жестах с семантикой событий. Траекторное и внутреннее движение, а также отсутствие движения наличествуют в структуре жестов, обозначающих недискретные ситуации. Разграничить функции данных компонентов более детально пока не представляется возможным, однако прослеживается явная связь наличия/отсутствия траекторного или внутреннего движения с акциональными характеристиками предикатов: при образовании жеста со значением события от жеста со значением дискретного процесса утрачивается внутренний повтор и появляется траекторное или внутреннее движение. Контакт с корпусом и контакт рук между собой наблюдается у подавляющего большинства жестов со значением состояний и у жестов, принадлежащих к переходному классу состояний-процессов.

Несмотря на то, что компоненты внутренней структуры жеста коррелируют с акциональной семантикой предикатов, рассматривать их как единицы морфологического уровня вряд ли возможно, поскольку они не удовлетворяют таким критериям морфемы, как повторяемость (способность употребляться в словах одного и того же словообразовательного типа) и воспроизводимость (способность существования в качестве целостной языковой единицы). Отражение акциональных свойств предиката в структуре жеста обнаруживает больше общего с описанными в лингвистической литературе случаями фоносемантики в звуковых языках¹¹.

Результаты исследования отражения акциональности в фонологической структуре жеста в русском жестовом языке также сопоставлялись с данными, полученными Р. Уилбур на материале американского жестового языка. В последнем регулярное иконическое отражение в фонологической структуре

¹¹ Так, например, обозначение удара в любом звуковом языке коррелирует с использованием в слове взрывных согласных или аффрикат, см. *Шляхова С.С.* Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику. Пермь: ПГПУ, 2003. С. 48.

жеста находит акциональный признак предельности¹², тогда как в русском жестовом языке – признак дискретности ситуации.

В целом, учитывая и фонологические, и морфосинтаксические характеристики предикатов, можно выделить в русском жестовом языке восемь акциональных классов: предикаты с семантикой событий, сильных предельных процессов (в нашем материале все они недискретные), слабых предельных процессов (в нашем материале все они дискретные), недискретных неопредельных процессов, дискретных неопредельных процессов, переходный класс (предикаты, содержащие признаки и состояния, и дискретного процесса), предикаты с семантикой эпизодических состояний и вневременных состояний.

В Главе III «**Линейная аспектуальность в русском жестовом языке**» излагаются результаты исследования средств выражения линейной аспектуальности в русском жестовом языке. Помимо значений, традиционно относимых к данной семантической зоне (описывающих подготовительную, начальную, срединную, конечную и результирующую стадии ситуации), в данной работе учитываются также значения с «пограничным» статусом, находящиеся на пересечении зоны линейной аспектуальности с другими семантическими категориями: фазовость, антирезультатив, перфект и экспериенциальность.

Показатели рассматриваемых значений в русском жестовом языке описываются в порядке хронологического следования стадий ситуации. Описание средств, кодирующих ту или иную стадию ситуации, предваряется более подробным обзором типологических исследований одноименных средств в звуковых языках и в других жестовых языках. Выбранная структура описания позволяет системно представить материал русского жестового языка, сопоставить его с материалом других звуковых и жестовых языков, а также

¹² См., например, Wilbur R. Complex predicates involving events, time and aspect: is this why sign languages look so similar? // Quer J. (ed.), *Signs of the Time. Selected Papers from TISLR 2004*. Hamburg: Signum Press, 2008. P. 217–250.

более точно охарактеризовать степень исследованности линейной аспектуальности в жестовых языках.

Значение *перспектива*, указания на подготовительную стадию ситуации, выражается аналитически при помощи редуцированного служебного жеста БЫТЬ:FUT: ТЕРПЕТЬ+(r/s) БЛИЗКИЙ ПРИЙТИ:1PS БЫТЬ:FUT+(r/s)¹³ 'Потерпи, он скоро, вот-вот придет'.

Для кодирования *начинаемости* используются разные средства: фазовые глаголы НАЧАТЬ и НАЧАТЬ1 (НАЧАТЬ РУГАТЬ:REC '[Они] начали ругаться'; Я ЧИТАТЬ НАЧАТЬ1 ЧЕТЫРЕ ВРЕМЯ 'Я начал читать с четырех лет'); наступительный глагол СТОЯТЬ (Я ДУМАТЬ НЕТ INDX СТОЯТЬ БОГАТЫЙ 'Не думал, что ты разбогатеешь'); модификации жеста, представляющие собой постепенное раскрытие или выбрасывание из кулака пальцев, ориентированных кончиками вверх (например, выбрасыванием пальцев вверх от жеста ГОРЕТЬ образуется жест ВСПЫХНУТЬ) или увеличение амплитуды движения сверху вниз путем расположения руки в начальной точке выше, чем при исполнении исходного жеста (например, увеличением амплитуды от жеста ДЕЛАТЬ образуется жест ПРИНЯТЬСЯ.ЗА.ДЕЛО); конструкция 'раньше/давно было X, сейчас Y' (INDX БРАТ INDX БОЛЕТЬ БЫТЬ:PAST / СЕЙЧАС ЗДОРОВЫЙ 'Брат уже окреп после болезни'). Выбор показателя начинаемости зависит от типа кодируемого начала (контактного, неконтактного, эволютивного), акционального класса предиката, единичности/серийности и агентивности/неагентивности описываемой ситуации, а также от лексической семантики предиката. Наиболее регулярным показателем, обладающим при этом самой широкой функциональной дистрибуцией, является фазовый глагол НАЧАТЬ.

Аспектуальные значения, указывающие на срединную стадию ситуации, – дуратив, прогрессив, – не получают специального выражения. Однако имеется целый ряд средств, служащих для выражения фазового значения

¹³ Служебные аналитические показатели в русском жестовом языке обычно находятся в постпозиции к знаменательному жесту.

континуатива (указания на фазу продолжения ситуации) и дифференцирующих разные его оттенки. Так, имеются два фазовых глагола, НЕ.ПЕРЕСТАВАТЬ и ПРОДОЛЖАТЬ. Первый кодирует продолжение не прерывавшейся динамической ситуации (простой динамический континуатив), а второй – продолжение динамической ситуации после перерыва (рефактивный динамический континуатив): НЕ.ПЕРЕСТАВАТЬ ДА ПОСТОЯННО УЧИТЬСЯ Я НЕ.ПЕРЕСТАВАТЬ ‘Да, я все еще учу [английский]’; Я РЕШИТЬ ОТДЫХАТЬ И ПРОДОЛЖАТЬ ИСКАТЬ ‘Я решил отдохнуть и продолжать искать [ключи]’. Используется также направленный глагол ОСТАВАТЬСЯ¹⁴, имеющий узкоспециализированное значение: он кодирует продолжение только стативной ситуации локализации: ДОМ СНЕСТИ НОВЫЙ МНОГОЭТАЖНОЕ.ЗДАНИЕ(r/dbl/alt) ДОМ=ОСТАВАТЬСЯ++ ‘[Рядом] дома снесли, построили новые, многоэтажные, а [мой] дом так и стоит’. Кроме того, в выражении значения континуатива участвуют функциональные аналоги наречий в звуковых языках жесты ПО-ПРЕЖНЕМУ и ДО.СИХ.ПОР. Жест ПО-ПРЕЖНЕМУ используется при обозначении продолжения стативной ситуации: СЫН ЛЮБИТЬ ДОЧЬ ЛЮБИТЬ Я ПО-ПРЕЖНЕМУ ЛЮБИТЬ ‘(Хотя оказалось, что они мне неродные,) я по-прежнему люблю сына и дочь’. Жест ДО.СИХ.ПОР используется для указания на продолжение как стативной, так и динамической ситуации: INDX ОГОНЬ INDX СПАТЬ ДО.СИХ.ПОР СПАТЬ ‘Там пожар, а он все спит’; ЖЕНА ТАКОЙ.ЖЕ СПОРИТЬ РУГАТЬ ДО.СИХ.ПОР ‘А жена все равно спорит с ним, продолжает ругаться’.

Основными средствами обозначения конца ситуации являются служебный жест УЖЕ и фазовый глагол ЗАКОНЧИТЬ. Жест УЖЕ кодирует значение *комплети́ва*, указания на окончание ситуации, достигшей естественного предела: INDX КОСТЬ ЕСТЬ УЖЕ_{CMPL} ‘[Собака] съела кость’. Жест ЗАКОНЧИТЬ указывает на то, что ситуация не имеет места в момент времени t_1 по сравнению с более ранним моментом t , безотносительно того, завершена ли она

¹⁴ К направленным относятся жесты, в которых направление движения или ориентация являются значимыми: они могут модифицироваться, кодируя таким образом локализацию референта или действия.

в результате достижения естественного предела или ее окончание вызвано вмешательством извне: **INDX КНИГА ЗАКОНЧИТЬ ЧИТАТЬ ЗАКОНЧИТЬ** ‘Ты дочитал книгу?’; **ЗАКОНЧИТЬ** БАЛОВАТЬСЯ ‘Прекратите баловаться!’. Более специализированное значение имеют жесты **ПРЕКРАТИТЬ.НАВСЕГДА** и **ВЫПОЛНИТЬ**. Жест **ПРЕКРАТИТЬ.НАВСЕГДА** выражает значение терминатива (указания на окончание ситуации в результате вмешательства извне), осложненное семами агентивности и невозможности дальнейшего возобновления ситуации: **ПРЕКРАТИТЬ.НАВСЕГДА** **УКРАСТЬ** **ПРЕКРАТИТЬ.НАВСЕГДА** ‘[Мы] никогда больше не будем красть’. Жест **ВЫПОЛНИТЬ** кодирует значение комплетива, при этом его употребление ограничено контекстами выполнения домашней работы, задания, обещания и т.п.: **ПИСАТЬ СВЯЗЬ БИОЛОГИЯ ПИСАТЬ ВЫПОЛНИТЬ** ‘[Он] написал [работу] по биологии’. Формы с комплетивным значением могут быть также образованы при помощи синтетических средств – модификаций жеста, представляющих собой появление траекторного движения, как бы «охватывающего» объект (например, так от жеста **ЧИТАТЬ** образуется жест **ПРОЧИТАТЬ**), однако данные модификации нерегулярны и применимы к ограниченному числу жестов.

Результатив регулярно кодируется аналитически при помощи жеста **БЫТЬ.ГОТОВЫМ**, который, выступая в функции показателя аспектуального значения, демонстрирует признаки грамматикализации. Он обозначает как объектный, так и субъектный результатив: **КОМПЬЮТЕР ПАЛАТКА ДУМАТЬ БРОСИТЬ БЫТЬ.ГОТОВЫМ** **РТСЛ** ‘А компьютер, подумал и в палатке бросил (букв. компьютер брошен в палатке)’; **ТИХО КРИЧАТЬ СИЛЬНЫЙ Я СЕЙЧАС ОГЛОХНУТЬ БЫТЬ.ГОТОВЫМ** ‘Тише! Ты так кричишь, что я сейчас оглохну’. Кроме того, в последние годы в речи молодого поколения носителей русского жестового языка в функции служебного показателя результатива параллельно с **БЫТЬ.ГОТОВЫМ** используется жест **СЛОВО: ДОМ СТРОИТЬ СЛОВО** ‘Дом построен’.

Близкое к результативу значение *перфекта* совмещается в русском жестовом языке со значением комплетива в рамках одного показателя и регулярно выражается с помощью служебного жеста **УЖЕ: УТРО ДОЖДЬ.ИДТИ**

УЖЕ_{PRF} УЛИЦА ВЕСЬ Л-У-Ж-А CLF:ЛУЖА+++^(r/dbl/alt) ‘Утром шел дождь. На улице лужи’. Однако в отрицательных высказываниях с перфектной семантикой вместо жеста УЖЕ_{PRF} используется показатель бытийного отрицания ОТСУТСТВОВАТЬ: ЗАРПЛАТА ЗАПЛАТИТЬ:1PS ОТСУТСТВОВАТЬ ‘Зарплату мне не заплатили!’.

В русском жестовом языке имеется также возможность выражения при помощи аналитических средств различных оттенков *антирезультативного значения*: конатива (значения неудавшейся попытки/нереализованного намерения), проксиматива (значения непредвиденной остановки процесса в непосредственной близости к финалу) и партитивно-результативного значения (указания на неполное достижение результата). Для обозначения конатива обычно используется сочетание знаменательного жеста с редуцированным модальным жестом НЕ.МОЧЬ: Я НЕ.МОЧЬ+(r/s) ИТОГ Я МОСКВА НЕ.ДАТЬ НЕ.МОЧЬ+(r/s) ПОПАСТЬ ‘У меня никак не получалось [поехать] в Москву’. Проксиматив регулярно кодируется при помощи служебного показателя контрфактической модальности жеста Б-Ы: Б-Ы УПАСТЬ ‘Я чуть не упал’. Для выражения партитивно-результативного значения имеется специализированный служебный жест RES_{PART}: Я ПИСАТЬ RES_{PART} ‘Я не дописал письмо’.

Экспериенциальность – указание на наличие у субъекта опыта участия в описываемой ситуации в прошлом – регулярно выражается при помощи конструкций «ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST» и «СЛУЧИТЬСЯ БЫТЬ:PAST». Первые компоненты данных конструкций демонстрируют признаки грамматикализации в функции показателей экспериенциальности, а функции самих конструкций достаточно отчетливо распределены и связаны с коммуникативным рангом участника описываемой ситуации. В случае, когда субъект опыта является субъектом ситуации, используется конструкция «ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST», а в случае, когда субъект опыта является объектом ситуации, используется конструкция «СЛУЧИТЬСЯ БЫТЬ:PAST»: INDX ЖЕНЩИНА УДАРИТЬ ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST ‘Ему случалось ударить женщину’; УДАРИТЬ:1PS+(r/s) СЛУЧИТЬСЯ

БЫТЬ:PAST ‘Случалось, что меня били’. Дополнительно, при помощи жестов **ОДИН.РАЗ**, **МНОГО.РАЗ**, **СТАЖ** или редупликации знаменательного жеста, может маркироваться однократность/многократность опыта.

Специальных показателей *перфектива* и *имперфектива* в русском жестовом языке не обнаружено. Интерпретация большинства предикатов определяется их акциональной семантикой: предикаты состояний всегда обозначают имперфективные ситуации, жесты с семантикой процессов в зависимости от контекста могут кодировать единичные дуративные ситуации, итеративные ситуации или перфективные ситуации (**СТИХОТВОРЕНИЕ ЗУБРИТЬ** ‘(Я) зубрил/вызубрил стихотворение’), а предикаты со значением событий всегда имеют перфективное прочтение. В некоторых случаях наблюдается выражение значения перфектива с помощью жеста **УЖЕ** (**УЙТИ СПАТЬ УЖЕ_{PRFV}** / **ПОТОМ ПРИЙТИ БЫК Б-Ы-К** ‘[Семья] пошла спать. Потом пришел бык’).

В **Главе IV «Количественная аспектуальность в русском жестовом языке»** описываются результаты исследования средств выражения в рассматриваемом языке значений, принадлежащих к семантической зоне количественной аспектуальности.

В **Разделе 1** рассматриваются подходы к типологии значений количественной аспектуальности в лингвистической литературе по звуковым языкам. К семантической зоне количественной аспектуальности лингвисты относят прежде всего значения, описывающие внутреннюю временную структуру ситуации с точки зрения ее повторяемости: мультипликатив (указание на множество повторяющихся микроситуаций с неизменным набором актантов; микроситуации при этом объединены одним периодом времени); итератив (указание на множество повторяющихся ситуаций с неизменным набором актантов; при этом каждой повторяющейся ситуации соответствует отдельный период времени) и дистрибутив (обозначение ситуации, состоящей из микроситуаций, в каждой из которых принимают участие нетождественные

актанты). В работах ряда исследователей¹⁵ в круг значений событийной множественности включается также хабитуалис – указание на то, что существует некоторый установившийся порядок осуществления ситуации. Некоторые лингвисты¹⁶ полагают правомерным включение в семантическую зону количественной аспектуальности и значения длительности – на том основании, что оно тоже имеет непосредственное отношение к «количеству» ситуации.

В Разделе 2 характеризуется степень исследованности средств выражения количественной аспектуальности в жестовых языках. Способы выражения множественности ситуаций рассматривались на материале многих жестовых языков. Наиболее изученными являются показатели итератива и хабитуалиса. Типологически распространенным является кодирование данных значений при помощи простой редупликации¹⁷. Достаточно часто в лингвистической литературе отмечаются и средства выражения дистрибутива. Чаще всего для его кодирования используется простая редупликация с изменением локализации жеста при повторах, двуручная сукцессивная редупликация¹⁸ или движение по дуге. Средства выражения мультипликатива изучены меньше. В работах Б. Бергман, Э. Даля и К. Бёрстелла, выполненных на материале шведского жестового языка, лишь отмечается, что жесты с мультипликативной семантикой обычно содержат внутренний повтор. Средства выражения длительности ситуации тоже лишь кратко упоминаются в ряде работ на материале американского, шведского, австралийского, израильского и тайваньского жестовых языков. В них отмечается кодирование данного

¹⁵ См., например, *Плунгян В.А.* Общая морфология. – М.: Едиториал УРСС, 2003; *Шлуинский А.Б.* Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения: Дисс. к. филол. н. – М., 2005.

¹⁶ См., например, *Бондарко А.В.* Длительность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Ленинград, 1987. – С. 99–100; *Супрун А.Е.* Общая характеристика семантики количественности // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб., 1996. – С 162–169.

¹⁷ Простой линейный повтор мануального жеста без изменения его параметров.

¹⁸ Исполнение исходно одноручного жеста двумя руками; руки движутся поочередно.

значения при помощи простой редупликации или модификации скорости исполнения жеста.

Способы выражения количественной аспектуальности в русском жестовом языке ранее специально не изучались. В единичных работах лишь отмечается возможность передачи значения многократности ситуации при помощи редупликации¹⁹ или «корневого» повтора²⁰.

В Разделе 3 описываются средства выражения количественной аспектуальности в русском жестовом языке. Проведенное исследование показывает, что в данном языке значения, входящие в рассматриваемую семантическую зону, тонко дифференцируются и выражаются регулярно и стандартно при помощи различных морфологических или, реже, фоносемантических средств, выступающих самостоятельно или в сочетании друг с другом. Большинство показателей, используемых для кодирования рассматриваемых значений, характеризуются высокой степенью иконичности. В частности, характерной особенностью средств выражения «количества» ситуации в русском жестовом языке является широкое использование разных структурных типов редупликации и их отчетливая функциональная дистрибуция. Это обусловлено тем, что иконичность в данном языке свойственна не только редупликации в целом – как повтору, связанному с идеей меры и количества. Каждый структурный тип редупликации обладает и собственной иконичностью.

Значение *мультипликатива* в основном иконически отражается в фонологической структуре жеста при помощи внутреннего повтора. Дополнительно, при помощи иконических модификаций жеста – уменьшения или увеличения скорости/амплитуды исполнения жеста при повторах, соотносящихся с длительностью интервала между микроситуациями, –

¹⁹ Зайцева Г.Л., Фрумкина Р.М. Психолингвистические аспекты изучения жестового языка // Дефектология. – №1. –1981. – С. 17; Grenoble L. An overview of Russian Sign Language // Sign Language Studies. –Vol.21:77. –Maryland, 1992. – P. 331.

²⁰ Шамаро Е.Ю. Некоторые факты видовременной системы РЖЯ // Современные аспекты жестового языка. – М, 2006. – С. 187.

разграничиваются значения раритива и сепетива: УЧИТЕЛЬ СТУЧАТЬ.УКАЗКОЙ(cm/sl) ‘Учитель сердито постукивал указкой’; ВЕТЕР ЛАМПА.КАЧАТЬСЯ(cm/fst) ‘Сильный ветер, лампа сильно раскачивается’. Значение альтернатива обычно кодируется при помощи редуцированных классификаторных конструкций (чаще всего с конфигурацией CLF:ЧЕЛОВЕК) в сочетании с инверсией движения при повторах (ДЕВОЧКА БЕЖАТЬ CLF:ЧЕЛОВЕК.ДВИГАТЬСЯ(cm/inv) ‘Девочка бегала туда-сюда’. Жесты-семельфактивы образуются от мультипликативных путем утраты внутреннего повтора, однако в целом они немногочисленны: подавляющее большинство мультипликативных жестов не имеют парного жеста-семельфактива. Фонологическая форма мультипликативных и семельфактивных жестов тоже, как правило, иконична: она мотивирована какими-либо внешними, доступными зрительному восприятию, признаками денотата.

Способ выражения *итератива* зависит от акционального класса предиката. Предикаты с семантикой событий приобретают итеративное значение при помощи простой редупликации (РАНЫШЕ БАБУШКА УЧИТЬ:1PS БЫТЬ:PAST ГОВОРИТЬ Л-О-Г-О-П-Е-Д ПРИВЕСТИ+(r/s) БЫТЬ:PAST ‘Раньше бабушка учила меня говорить голосом, к логопеду водила’). Предикаты с семантикой процессов и состояний приобретают итеративное значение при помощи служебного аналитического показателя – редуцированного жеста БЫТЬ:PAST (ГОВОРИТЬ БЫТЬ:PAST+(r/s) ГЛАЗЕТЬ ОСМАТРИВАТЬ ‘Слышащие (букв.: говорящие), бывает, глазеют на нас’; БЫТЬ:PAST+(r/s) / ГОЛОВА.БОЛЕТЬ БЫТЬ:PAST+(r/s) ‘Голова [у меня], бывает, болит’) или жестов, представляющих собой функциональные аналоги аспектуальных наречий в звуковых языках (INDX БОЛЕТЬ ЧАСТО ПРИЧИНА НУЖНО ЗАНИМАТЬСЯ.СПОРТОМ ‘Ты так часто болеешь, потому что не занимаешься спортом’).

Для выражения *хабитуалиса* используются морфологические и лексические средства, при помощи которых дифференцируются три его разновидности. Генерический хабитуалис выражается при помощи жеста ВСЕГДА (ДЕВУШКА ВСЕГДА СЛАБЫЙ ПРАВДА ‘Девушки же слабые, правда?’).

Итеративный хабитуалис кодируется при помощи жеста ВСЕГДА (если предикат принадлежит к акциональным классам процессов или эпизодических состояний: Л-А-Й-К-А РЯДОМ СОБАКА INDX **ВСЕГДА СПАТЬ** ВМЕСТЕ СЕМЬЯ ДЕТИ ВМЕСТЕ ‘Лайка обычно спит вместе с семьей, с детьми’) или жеста ВСЕГДА и редупликации предикатного жеста (если последний принадлежит к классу событий: Я ВЕСЬ Я ОДНОКЛАССНИК МОЙ ВЕСЬ **ВСЕГДА ПРИЙТИ+(r/s)** КИНОТЕАТР ‘Мы с одноклассниками обычно ходим в кино’). Капацитив выражается при помощи модального жеста МОЧЬ (INDX ВАРИТЬ САМ ВКУСНЫЙ ВАРИТЬ БЫТЬ:PAST САМ ВКУСНЫЙ **МОЧЬ** СУП ‘Он сам вкусно готовил, сам готовил вкусные супы’). В лингвистической литературе по звуковым языкам отмечается близость хабитуалиса к итеративным значениям и к значению длительности. Материал русского жестового языка тоже демонстрирует эту близость – одним из средств его выражения выступает простая редупликация, используемая также при выражении итеративности и «положительной» длительности ситуации.

Дистрибутивная множественность ситуаций регулярно кодируется при помощи морфологических и, реже, фоносемантических средств.

Субъектный дистрибутив выражается при помощи двуручной редупликации (РАНЫШЕ БОЛЕТЬ ТУБЕРКУЛЕЗ ЧЕЛОВЕК **УМЕРЕТЬ++++(r/dbl/alt)** МНОГО ‘Раньше много людей умирало от туберкулеза’), а *объектный/адресатный дистрибутив* – при помощи простой редупликации со смещением локализации жеста при повторах (ПИСАТЬ **ПОМОЧЬ+(r/s:cm/arc)** ГЛУХОЙ **ПРИВЕСТИ+(r/s:cm/arc)** ‘Писала [в разные инстанции], помогала глухим, водила их’).

Такие разновидности дистрибутива как *цислокатив* и *диверсатив* (указания на то, что единичные представители совокупного актанта-субъекта движутся из разных пунктов к некоторой центральной точке / из одного пункта в разные стороны²¹) кодируются при помощи двуручной редупликации в сочетании с зеркальной по отношению друг к другу ориентацией рук и

²¹ См. Храковский В.С. Семантические типы множественности ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. – Л., 1989. – С. 39.

движением рук навстречу друг другу / друг от друга соответственно: ГРУППА ПРИЕХАТЬ+++++(r/dbl/alt:m/ctr) ‘Группа [людей], они съехались’; РАЗГОВАРИВАТЬ:REC УЙТИ+++ (r/dbl/alt:m/sd) ‘Поговорили, разошлись’. Для выражения данных значений часто также используются классификаторные конструкции с конфигурацией CLF:МНОЖЕСТВО, зеркальной ориентацией рук и движением рук навстречу друг другу / друг от друга соответственно: О-К-К-У-П-А-Ц-И-Я CLF:МНОЖЕСТВО(m:ctr) ФАШИСТ СХВАТИТЬ МЕСТО ‘Фашисты пришли (букв. сошлись) и оккупировали местность’; МЫШЬ CLF:МНОЖЕСТВО(m/sd) ‘Мыши разбежались в разные стороны’.

Сукцессивный и симультанный дистрибутив (указания на то, что ситуации происходят разновременно / синхронно) различаются при помощи двуручной сукцессивной / двуручной симультанной редупликации²² соответственно: ГОСТИ.ПРИЙТИ:1PS+++ (mx:r/dbl/alt) ‘Гости пришли все по одному’; ЛОС:ПРИЙТИ.В.ГОСТИ:1PS(r/dbl/sm) ‘Гости к нам съехались’).

Значения *дискретного* и *собирающего дистрибутива* различаются при помощи редупликации со смещением локализации жеста при повторах (см. примеры выше) или движения по дугообразной траектории без редупликации: ПАЛАТКА МОЙ ГЛУХОЙ ВСЕ ПАЛАТКА(cm/arc) БЫТЬ.ГОЛЫМ(cm/arc) ‘Моя палатка среди палаток глухих, вокруг палаток ничего нет (букв. все голое)’.

Квазидистрибутив (когда целостный актант представлен как состоящий из квазиотдельных частей, выступающих в роли нетождественных актантов) может кодироваться при помощи тех же средств, что и собственно дистрибутив: двуручной сукцессивной редупликации (СТЕНА КРАСИТЬ+++ (r/dbl/alt) ВРЕМЯ.ПРОЙТИ / ЛОПНУТЬ+++++ (r/dbl/alt) ‘Стену покрасили, прошло время, и [краска] потрескалась’) или простой редупликации в сочетании со смещением локализации жеста при повторах по зигзагообразной траектории (IMR+++ я СМОТРЕТЬ+++ (r/s:cm) ‘Подойди поближе, чтобы я мог тебя рассмотреть’). Квазидистрибутивная семантика часто отражается и в фонологической структуре жеста при помощи внутреннего повтора. Например,

²² Исполнение исходно одноручного жеста двумя руками; руки движутся синхронно.

жест КИПЕТЬ выполняется поочередно двумя руками, иконически отражая всплывание пузырьков в кипящей воде. Внутренний повтор в таких жестах сходен с двуручной сукцессивной редупликацией, однако имеются и отличия. Актанты дистрибутивных ситуаций, обозначенных при помощи внутреннего повтора, представляют собой части целого. У данных жестов, в отличие от «нормальных» дистрибутивных форм, отсутствует исходный нередуплицированный коррелят, поскольку в реальности актанты описываемой ситуации не существуют в отдельном виде. Поочередное движение рук в них является не морфемой, а фонологическим компонентом жеста, иконически отражающим онтологические характеристики реальной ситуации.

Для разных показателей дистрибутива имеются разные ограничения на употребление, обусловленные фонологическими характеристиками жеста: наличием в его структуре контакта руки с корпусом, контакта рук между собой или внутреннего повтора.

«Положительная» *длительность* (указание на продолжительность ситуации, превышающую условную норму) регулярно кодируется при помощи немануальной редупликации²³, выступающей в сочетании либо с простой мануальной редупликацией (МАЛЬЧИК ПЛАКАТЬ+(btf+) ‘Мальчик плачет и плачет’), либо с удержанием руки при исполнении жеста (ЖДАТЬ(hh:btf++) ‘Он ждет, ждет’), либо с замедлением движения во время исполнения жеста (МЫ CLF:ЧЕЛОВЕК:ДВА СПРЯТАТЬ СПОКОЙНЫЙ СМЕРКАТЬСЯ(cm/sl:htf++++) ‘А мы вдвоем [с сестрой] спрятались, [сидим] спокойно, постепенно смеркается, вечерееет’).

Значение «отрицательной» длительности специального выражения не получает.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования. Проведенное исследование показывает, что в русском жестовом языке существует богатый арсенал средств для выражения как акциональности («внутренней»

²³ Повторяющиеся наклоны головы или корпуса вправо-влево или вперед-назад.

аспектуальности), так и собственно аспектуальности («внешней» аспектуальности).

Несмотря на различия в каналах передачи и восприятия информации, способы выражения аспектуальности в рассматриваемом языке обнаруживают типологическое сходство с одноименными способами в звуковых языках, особенно в сфере средств выражения линейной аспектуальности: это наличие фазовых глаголов для обозначения фаз начала, продолжения и конца ситуации, наличие перфектного кластера – совмещения в рамках одного показателя значений перфекта и комплетива, сходство лексических источников ряда служебных показателей, сходство формальных и семантических механизмов грамматикализации, использование одних и тех же языковых метафор.

Однако аспектуальная система русского жестового языка демонстрирует и ряд особенностей, обусловленных его визуально-жестовой модальностью. Прежде всего это иконическое отражение акциональной семантики в фонологической структуре жеста, более широкие функции фоносемантических средств, четкое разграничение семантических зон линейной и количественной аспектуальности, наличие структурных типов редупликации, отсутствующих в звуковых языках отчетливая функциональная дистрибуция разных типов редупликации, использование немануальных средств.

Библиография включает 273 работы отечественных и зарубежных авторов.

Приложения включают в себя дактильный алфавит русского жестового языка, список языков и условных сокращений, условные обозначения информантов и текстовых источников, условные обозначения в глоссах, список стимульных материалов, пример лингвистической анкеты, список предикатных жестов.

Основные положения и результаты исследования отражены в следующих публикациях автора:

Научные статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства

образования и науки РФ для публикации основных положений докторских и кандидатских диссертаций:

1. Филимонова Е.В. Средства выражения мультипликативного и итеративного типов множественности в русском жестовом языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 5 (23). – С. 188–194.

2. Буркова С.И., Филимонова Е.В. Средства выражения экспериенциального значения в русском жестовом языке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13. – № 2. – С. 77–83.

3. Буркова С.И., Филимонова Е.В. Редупликация в русском жестовом языке // Русский язык в научном освещении. – 2014. – № 2 (28). – С. 202–258.

Статьи в сборниках научных трудов и материалов конференций и в периодических изданиях

4. Филимонова Е.В. Средства выражения дистрибутивной множественности в РЖЯ // Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция: Сборник статей / под ред. О.В. Фёдоровой. – М.: Буки Веди, 2012. – С. 82–97.

5. Филимонова Е.В. Функции жеста УЖЕ в русском жестовом языке // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: сборник материалов 4-ой международной научно-методической конференции. – Новосибирск: изд-во НГТУ, 2013. – С. 161–169.

6. Филимонова Е.В. Изучение аспектуальности в русском жестовом языке: лингвистические перспективы и практическая значимость // Социальные коммуникации и эволюция обществ: Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. – С. 385–388.

7. Филимонова Е.В. Средства выражения начинательности в русском жестовом языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2014. – № 2 (4). – С. 34–41.

8. Филимонова Е.В. Способы обозначения начала ситуации в русском жестовом языке // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения: Материалы XX-XXI Международных конференций студентов, аспирантов и молодых ученых Ломоносов: Секция Филология / Ред.-сост. А. Е. Беликов. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – Выпуск 6. – С. 269–274.

Публикации тезисов докладов на научных конференциях

9. Филимонова Е.В. Особенности выражения хабитуалиса в РЖЯ // Наука. Технологии. Инновации. Материалы всероссийской научной конференции молодых ученых в 7 частях. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. – Часть 7. – С. 425–426.

10. Филимонова Е.В. К вопросу о словообразовательных различиях в русском жестовом языке и русском звучащем языке (на примере дистрибутивных глаголов) // Современные формы организации и эффективные технологии обучения и реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов: Материалы научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск, 17-20 октября 2012 г. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. – С. 540–543.

11. Филимонова Е.В. Перфект в русском жестовом языке // Наука. Технологии. Инновации: Материалы всероссийской научной конференции молодых ученых в 10 частях. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. – Часть 10. – С. 137–140.

12. Филимонова Е.В. Показатели континуатива в русском жестовом языке // Рабочая тетрадь 2-й международной конференции «Лингвистические права глухих», Москва, 20–22 мая 2014 г. – Москва: ВОГ, 2014. С. 36–37.

Условные обозначения в глоссах

arc – движение по дуге; **bh** – ориентация руки тыльной стороной к говорящему; **btf** – наклоны тела вперед и назад; **CLF** – классификаторный жест; **cm** – изменение движения; **co** – изменение ориентации жеста; **ctr** – движение к

центру; **FUT** – будущее время; **hbtf** – наклоны головы и тела вперед и назад; **hh** – удержание руки; **hlr** – наклоны головы вправо и влево; **htf** – наклоны головы вперед и назад; **IMP** – императив; **INDX** – указательный жест; **inhh** – удержание начальной конфигурации жеста; **inv** – инверсивное движение; **LOC** – объект/адресат/место; **mo** – открывание рта; **mx** – движение по направлению к говорящему; **ORD** – порядковое числительное; **PAST** – прошедшее время; **plm** – ориентация руки ладонью к говорящему; **POSS** – притяжательное местоимение; **PRES** – настоящее время; **PRTCL** – частица; **PRVN** – превентив; **r/dbl/alt** – двуручная сукцессивная редупликация; **r/dbl/sm** – двуручная симультанная редупликация; **r/s** – простая редупликация без изменения локализации; **REC** – реципрок; **sd** – движение от центра в стороны; **sl** – замедление движения; **1ps** – первое лицо; / – пауза; // – длинная пауза; + – повторение жеста при редупликации; † – повторение жеста при редупликации с усечением копии; ^ – словосложение; : – несегментное выражение нескольких значений в рамках одной формы; = – одновременное исполнение жестов разными мануальными артикуляторами.